

**МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
НОВОСИБИРСКАЯ ЕПАРХИЯ
БЛАГОЧИННИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ
ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

КУЛЬТУРА ОТЕЧЕСТВА:

**ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ**

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Томск — 1995

4. Беляева О. П. Суффиксы субъективной оценки в говорах Пермской области // Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та Пермь, 1960. Т. 25. с. 113-136.
5. Чернышевский Н. Г. О словопроизводстве в русском языке Полное собрание сочинений. Т. 2. 1949.
6. Пеньковский А. Б. О категории "чуждости" в русском языке Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987. М., 1989. — с. 54-82.
7. Слобин Д. И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984.
8. Копнин П. В. Логические основы науки. Киев, 1968.

СООТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ЭСТЕТИКЕ РУССКОГО РОМАНТИЗМА (1830-1840)

Канунова Ф. З.

В истории русской литературы и культуры закономерно встречались сходные, повторяющиеся (по своему нравственно-философскому содержанию) периоды. Первую и последнюю треть XIX в. объединяла необычайно возросшая потребность в процессе интегрирующем и восстанавливающем органическую целостность бытия, чего не смогли сделать ни немецкая идеалистическая философия, ни материализм Фейербаха, который Н. Бердяев не без основания назовет "Немезидой гегельянства". "Вся новейшая философия (...), — говорит он, — явно обнаружила роковое свое бессилие познать бытие, соединить с бытием познающего субъекта" (1). Выходом из кризиса явилась религия, этот "глубинный источник питания".

Для нас принципиально важно, что понимали это не только выдающиеся философы рубежа XIX и XX вв.,

но и многие прогрессивные мыслители 1830-40-х гг. Так, Чаадаев говорит о необходимости "возвращения индивидуального бытия к бытию всеобщему, о восстановлении падшего Я". "Эту цель и поставило себе христианство (...), и осуществило на деле (...). В тот день, когда на Голгофе была принесена искупительная жертва человека, разум мировой воли был восстановлен в разуме индивидуальном и на этот раз занял в нем место навсегда" (2).

Приход к религии потому был выходом из кризиса, что во-первых, это означало поворот к реальному бытию, к традициям народной культуры и мифологии. Во-первых, это был новый источник духовного питания, жизнестроения и созидания. И едва ли не самое главное, — грандиозный синтез духа и бытия, важнейший в решении назревших проблем, путь к целостности. Все это влекло к религии в 30-40-е гг. ссыльных декабристов (В. Кюхельбекер, М. Лунин, Н. Ф. Раевский, Г. С. Ефимов и др.). На этой почве как бы произошла встреча Жуковского с декабристами и Гоголем. Интенсификация религиозных исканий Жуковского в поздний период творчества связана, таким образом, не только с логикой его собственного развития, но и с нравственно-философскими исканиями времени.

Центральное место во всех рассуждениях позднего Жуковского занимает проблема веры. И главное здесь — протест против интеллектуализма, против рационалистической философии. На первый план выдвигается великая сила интуитивного проникновения в человека и Бога. Религиозное чувство в представлении Жуковского в принципе чувство интуитивное. "Ум не может дать представление о Боге (...). Необъятность идеи Бога не может втиснуться в нашу человеческую мысль (...). Вера в Бога есть предание, переходящее от отца к сыну (...), состояние души, она неотделима, как сама душа" (3).

Поздние эстетические манифесты Жуковского — новый этап его художественной программы, связанной с глубоким постижением поэтом основ веры. Главный пафос романтического искусства, рожденно-

го христианством, по убеждению Жуковского, — пафос созидания. Идя от основ веры, Жуковский утверждает ценность жизни как таковой, как этапа в бесконечности. Вера не отвлекает человека от действительности (от земли), а наоборот, дает силы жить на земле. С другой стороны, здесь важен, по Жуковскому, общебытийный философско-религиозный план. Утверждая бессмертие души, царство небесное, он видит в жизненном пути человека не “Мнимый лоскуток”, а важную часть целого, универсума. Именно в религии открывается эту в полной мере целостность бытия, которую Жуковский усматривает в диалектике жизни и смерти.

Утверждая созидательную функцию религиозного сознания в эстетической концепции поэта, Жуковский в 40-е годы принципиально сближается с Гоголем. Его программная статья “О поэте в современном его значении” является письмом к Гоголю. Он глубоко разделяет мысль последнего о том, что подлинное искусство “несет примирение с жизнью”. “Ибо для успокоения и примирения нисходит в мир высокое создание искусства. Оно не может поселять ропоту в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к Богу” (4). Приход Жуковского к “Одиссее” по мнению Гоголя, был мотивирован литературным и духовным опытом поэта. Христианская вера дает “прозирающий”, “углубленный взгляд на жизнь”. Гоголь на редкость точно понимал актуальность перевода “Одиссеи”.

Столь же актуальным было появление “Агасфера”, религиозно-философской поэмы, вобравшей в себя весь комплекс нравственно-философских проблем, волновавших Жуковского. Главное в духовном созерцании романтического поэта — это процесс проникновения в тайны души, связанный с божественным откровением. Этому служит пронизывающие поэму религиозно-мифологические мотивы, особая пространственная организация “Агасфера”, художественное проникновение “в миры иные”. Библейские мотивы и образы — это не просто фон поэмы, их эстетическое функционирование в поэме определяет главное в ней

— душевное движение центрального героя, формирование его человечности. Проникая в глубокие пласты библейской мифологии, истории, современности, поэт выстраивает свой миф о вечном жиде, его духовных блужданиях, страшном грехопадении, страдании и искуплении.

Символическая художественная хронология поэмы, в которой причудливо переплетаются историческое и мифологическое время, корректировалась циклической, мифологической моделью времени.

Мифологизм художественного сознания писателя в значительной мере определяет образ автора, как связующее звено между историей и современностью.

Религиозная философия Жуковского несла на себе черты провиденциализма, предсказывала будущее российской истории.

Примечания

1. Бердяев Н. Философия свободы.— М., 1989. С. 17.
2. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч.— М., 1991, С. 498.
3. Архив В. А. Жуковского.— ГПБ-Ф.286.— Оп. 1.— ЕД. хр. 70а.— Л. 106.
4. Гоголь. Собр. соч. М. 1959.— Т. 3.— С. 126.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА АКТИВНОСТЬ МОТИВИРОВОЧНОГО ПРИЗНАКА

Е. В. Михалева

Феномен внутренней формы слова (ВФС) отражает национальное своеобразие языка. ВФС способна сохранить и передавать из поколения в поколение